

The Pravednicks' Band
Лисий Нос Навеки

Лисий Нос — название поселка, расположенного совсем недалеко от Санкт-Петербурга, кому-то может показаться забавным, кому-то загадочным. На первый взгляд может создаться впечатление, если кто-то совершенно случайно выбрал его местом летнего отдыха, что жизнь течет здесь самая обыденнейшая, с ее заботами и хлопотами. И это совершенно справедливо — разве можно с этим поспорить? Ведь у нас и нет ничего, кроме обыденностей. Но опытный взгляд, как раз тот, что сроднился с этой обыденностью — а вовсе не взгляд новичка — умеет различать за повседневностью что-то, что не сразу бросается в глаза, — существование. Существенное, которое прорастает и живет в самой этой повседневности, не прячась за ней, но и не выставляя себя напоказ.

Оно являет себя уже в размеренной смене времен года, да что там, каждого месяца — смене, смысл которой сейчас уже мало кому ведом. Января, на самом своем излете, дарит здесь ослепительное и вместе с тем мягкое энигмное солнце, отряхивающееся от незамутненного снега и затмевующее в этом отражении небо, ставшее таким просторным, как, пожалуй, никогда в году. И в этом уплотненном просторе уже предчувствуются, находящиеся еще почти за четверть земной орбиты до этого, весенние дни. Но не надо обманываться! Январским торжествам придут на смену февральские будни, когда небо, словно в теплом, укроется в низкие облака, охраняющие землю от поспешных взглядов. И если уж не метель, то медленно падающая снежная хрупка поведет счет нашим дням. Самое застойное время в году! Время, когда из подвала запоздало достаются запасы, сделанные, как любят говорить, «на зиму», — ведь скрывать его длительность могут только червонная вишня и солнечная облетка. И так будет вплоть до последней декады марта, до наступающего Нового года, до солнцестояния. В эту пору снег станет ровным, тонким и хрупким, и на его фоне обнаженные и беззащитные деревья, какими они бываю еще разве что в ноябре, снова заявят о себе темнотой контуров под уходящим до самого Финского залива горизонтом. И небо, все еще немного пасмурное, но уже более приветливое, впервые, начиная с поздней осени, расстреляют душу. Тревога, настороживающая и помпезная одновременно, подступит, потому что, хотя такие еще не заметно, весенний воздух уже начнет пьянить. Впрочем, скоро, совсем скоро уже побегут первые ручьи и прорекнут первые потоки, а в апреле вальсирующая весна захрустит каблуком. И покажется, что не было тревожных увлечений, что жизнь начинается сначала. А путь, идущий от этого начала, ведет к радости. Эта радость, которая ласково повелевает презимать себя и быть великодушным, позволяя ближнему стать движим, а несбывшемуся — тем, что больше не в тягость.

О это весеннее наваждение! Рассеется ли оно в мае, когда, наконец, неуверенная в себе северная природа покажет и свое изобилие. Конечно же! Ведь май — это не только завроженность дождем и дрожащим ароматом сирени. Это еще и время труда, когда не устает звенеть топоры и жужжать полотна, когда снова и снова слышны оклики, адресованные соседним друг другу. В этой непрестанной дневной работе оживет и скромная Мирная улица, затерявшаяся где-то на краю поселка, в той его части, которая прежде называлась Каулилово. Только считаливышки и лобницы муж могут в это время позволить себе выстаться! Потому что уже в конце этого месяца и, разумеется, в следующем: днем — в вошедшем в силу, а ночью — в беспечном, июне — спать уже будет нельзя. Нельзя, потому что душа сама бросается в сети легкого тумана, плывущего меж домами и корабельными соснами, чьи верхушки, словно под гипнозом, замерли в светлом не по-ночному и, все же, подернутом легкой белой дымкой, небе. И вот тогда начинается сказка: калитка на крыше мансарды одного из домов превращается во врата, дорога от которых ведет в самое небо, к ускользающему от взгляда в облаках величественному замку волшебника Дрионахона Фионафа. Когда-то детская писательница, Елена Верейская поведала, что воротами в замок Фионафа является калитка, одиноко стоящая на тропинке между двух домов. Но здесь, на крыше — другие ворота — черный ход в замок волшебника.

Июль, этот расцвет года, по сравнению с предыдущим месяцем может показаться не столь тонким и уязвимым. Но это иллюзия. Да, днем здесь царит зной, жарено, полнота жизни дает о себе знать в стрекоте насекомых, в незавершенном обороте флюгера. Но уже к вечеру, когда стихает жара, в первый раз в жизни совсем еще маленькому существу предстоит сделать выбор — отправиться домой, подчинившись требовательному зову материн, или оспарить играть вместе с другом, о близком присутствии которого впервые придет догадка. Придет она, когда двое друзей, один — за штурвалом, другой — на рубке изготовленного специально для них из фанеры и досок игрового корабля под названием «Смелый», устремятся в луче закатного солнца к неведомым берегам и землям, к пока что еще предстоящей им жизни. Нетрудно догадаться, какой выбор будет сделан, — но выбрать все равно придется.

И мгновением позже маленькое существо, уже став взрослым человеком и оставшись в одиночестве, вступит в сумерки. Сумерки, которые наделяют особым зрением, позволяющим видеть с типичного полета, как ночь плывет с востока по ровно размеренным улицам вплоть до самого заветного узкого мыса, в честь которого поселок и получил свое название, вдающегося в зеленатые воды Финского залива. Ведь Лисий нос — это еще и место, где когда-то приводили в исполнение смертные приговоры революционерам, место, давно уже считающееся запретной и потому всегда маящей к себе зоной. Разные слухи о ней доносят те, кто оттуда вернулся.

Дереванное сумеркам зрение позволяет видеть также, как над ночными тучами взрываются звенцы, как черные виски то сплетаются, то расплываются над островом Вертериуд, который днем кажется таким доброжелательным. Но позволяет оно видеть также и малое — лобог жизни в поиске, даже тогда, когда путь его уже закончен. Видеть мощную Липу, скребущую стены в давно не посещаемых кладовых, обитателей маленьких норк в садах, чьи глаза ночью светятся в темноте. И это тоже июль, сменяемый августом, когда исподволь уже чувствуется осень, когда листва, опадая еще едва-едва, начинает скапливаться у обочин улиц. В августе постепенно пустеют улицы, и отдыхающие предпочитают проводить время на аштракционах, кружась на карусели, раскачивая качели-лодку или стреляя в тире. Вечером, когда шоссе уже засыпает, проезжающие мимо, устав от долгого пути, останавливаются в придорожной таверне «Лисья нора»: но кажется им, что здесь они не в первый раз, и что, быть может, отсюда теперь вообще никогда не уедут. Ночами же, августовскими непроглядными ночами тигантская багровая луна заливает собой иногда темноту, хотя так светло, как было ночами в июне, уже не будет до следующего года. Но и она не мешает видеть, как обреченно чащипт леониды — так, что не хватает желаний для каждой падающей звезды. Но если уж загадал, то все обязательно сбывается! Верьте! И тогда наступит сентябрь. Месяц, когда школа еще не успеет наскучить, но ученики, направляясь домой, могут внезапно попасть в какое-то незнакомое место, которое, быть может, и является нашим последним и единственным домом. Куда же еще можно здесь попасть?! Ведь спланивал путь, куда мы уходим. И сам же отвечал: всегда домой. И означает это, что отсюда и куда бы мы ни шли, мы возвращаемся. Мы возвращаемся даже туда, где, возможно, еще никогда не были, потому что дом зовет, притягивает нас к себе. И даже тогда, когда нам кажется, что судьба не желает такого возвращения, прельщая нас забвением, мы все же отворачиваемся и, словно ей наперекор, стремимся вперед к бывшему. И только в этом доме, когда умиротворяюще начинает накрывать дождь, и ветер зашумит в деревьях за окном, можно быть собой и быть рядом с возлюбленной. Так в медлительности сентября прорастет пронзительный октябрь, искусно разделенный на два времени: на краткую и прекрасную, как сама жизнь, первую декаду, когда пожелтевшие уже в конце прошлого месяца клены постепенно покраснеют, но не от стыда или робости, а от предчувствия будущего. И другое, когда уже сброшены листья и задохло до конца месяца и, тем более, наступления зимы, начинается, сперва потихоньку, а потом все сильнее и сильнее, падать снег, свежести которого радуются так, как не радуются даже приходу лета. Ибо снег этот освобождает. Освобождает и предупреждает. Он готовит к ноябрю — самому мистическому месяцу в году, когда природа, уже сбросив одежды листьев, еще не облычила окончательно в снега, давая тем самым возможность — хоть на какое-то время — вернуться тем теньям, которым давно уже не место в этом мире, но которые следят — с завистью ли, с сочувствием ли — теперь из-за любого дерева или куста за каждым. Именно в ноябре можно уснужить, как в отпустившем доме хлопнет дверь, зашележит диск телефона или даже заспорят два хорошо узнаваемых голоса. Именно теперь приходит пора с добрым сердцем вспомнить ушедших.

И если не поддаваться мирякам, то следующий месяц — заснеженный до верхушек деревьев декабрь — вернет равновесие и начнет все заново, подготавливая всех нас к празднованию — когда все суеты оставлены и в кругу по-настоящему близких обретаешь первозданный уют. Празднование это — вечно возвращающееся торжество времени, встречаемое иллюминацией и бенгальскими огнями, серпантинном и конфетши. Празднество это отмечается не подарками, но дарами. Ибо оно призвано дать дорогу тому январскому солнцу, которое позволит прийти друг за другом прочие месяцы наступившего года. И в этом своем вновь и вновь возобновляющемся существе, снова и снова ведущем по круговой спеле каждую новую жизнь, Лисий Нос, без сомнения, останется вечным.

Джихон Фионаф (Паткуль)
К Закату Января (Сироткин/Паткуль)
Облепиховый Ток (Сироткин/Паткуль)
Впервые (Паткуль)
И Кружится Весна (Паткуль)
Я Вернусь (Тригуб)
К Радости (Сироткин/Паткуль)
Провожаящие Лето (Сироткин/Паткуль)
На Мирной Все Хорошо (Паткуль)
Сентябрь (Сироткин/Паткуль)
Всегда Домой (Сироткин/Паткуль/Тригуб)
Сны Автостреды (Сироткин/Паткуль)
В Сумерках (Сироткин/Паткуль)
Лисий Нос Навек (Сироткин/Паткуль)

The Pravednicks' Band:

Сергей Сироткин — электрогитара, акустическая гитара, бас гитара, синтезаторы, ударные, перкуссия, саксонет, сипар, укулеле, мандолина, балалайка, вокал, хорал
Вера Тригуб — фортепиано, электропиано, Hammond орган, Mellotron, Терменвокс, синтезаторы, аккордеон, вокал, хорал
Андрей Паткуль — вокал, бас-гитара
Евгений Кузьмин — ударные

Екатерина Гагкаева(3) — кельтская арфа
Алексей Леонов(4, 6, 7, 9, 14) — скрипка
Маргарита Шихова(4, 6, 7, 14) — альт
Анастасия Чернышова (7, 14), Иван Лазорин(4, 6) — виолончель

Мы благодарим за вдохновение: поселок Лисий Нос, Елену Николаевну Верейскую, Петра Ильича Чайковского, Сергея Васильевича Рахманинова, Jean Nicolas Arthur Rimbaud, Georg Friedrich Philipp Freiherr von Hardenberg (Novalis), а также рок-группы The Beatles, Pink Floyd, The Moody Blues и Yes.

Посвящается памяти Романа Волокитина
и Валентина Григорова

Отдельная благодарность Владиславу Сапову.

Продюсер — Сергей Сироткин

Аранжировка хора и струнной группы — Вера Тригуб

Звукорежиссура — Сергей Сироткин, Антон Малинен

Художник - Кэти Тренд

Фото — Андрей Бурцев, Ольга Шипикова

Записано в студиях RP Studio и Big Grave Studio
в период с ноября 2012 по сентябрь 2014

Джиахон Фионаф (Паткуль)

Эй, изво всех сна бегти скорей,
Туда, где свет среди ветвей,
Туда, где ждет родной порог.
Вот, притихла вытеся впереди
И сердце рвется из груди,
Земля уходит из-под ног...

Но чей-то взгляд неотступен в облаках,
Это — Джиахон Фионаф!

Владика свой всегда скрывает вид,
Не прожигает слов и не молчит,
Он повсюду и нигде.
Шепчет, и гулом отзовется лес,
Он великан, он до небес,
И звезды в темной бороде.

И он один только ведает твой страх.
Это — Джиахон Фионаф!

И лишь пробьет девятый удар,
На почине, из его пошешьбы чар
Возникнет замок, флагами украшен,
И вознесутся слепыи створных башен,
А из калитки — зомочные врата!
Войди туда — и ты исчезнешь навсегда!

Здесь его дочь, беспечна и легка,
И в колыцах белая рука,
И с рыже-огненной косой.
Неверен блеск ее зеленых глаз,
Куда б ты не пошел, топчась
Она повсюду за тобой...

Ее поцелуй на обветренных губах,
Это — Джиахон Фионаф!

Так тяжело, в одеждах, шитых серебром,
И в шпалье синее перо,
Восходит он на звездный трон!
И оглгннувшись, словно нехотпя, назад,
На пленника бросает взгляд,
Ты навсегда заворочел!

И луный свет переливается в глазах...
Это — Джиахон Фионаф!

Так бегт же мимо каалитки одинокой,
Туда, где свет виднеется из окон,
Под скрип ветвей и игры темноты,
Напутанный созданием мечты,
Но чья-то тень за спиною в двух шагах!
Это Джиахон Фионаф!

К Закапу Января (Сироткин/Паткуль)

Как в утро на Тальяннин День солнце выгланет!
Как двух беспомощных на снет солнце выманит!
Смелся, обманешь ты меня рукой горячей,
И я шепчу: «Не смей смотреть на снет слепящий!»

Дни, дни, дни, к закапу января!
Очерки белых крыш, лучи из января.
Ну что-же ты молчишь? Ведь это все не зря!
Ну что же ты молчишь?..

Как выйдет на Илью рассвет, прост и ярок!
Так верно и твою любовь — подарок!
Ты знаешь, что ты можешь быть великодушной,
Но мое сердце твоему всегда послушно...

Дни, дни, дни, к закапу января!
Одега в белую парку зимняя зяря.
Ну что-же я молчу? Ведь это все не зря!
Ну что же я молчу?..

Как смотрят звезды свысока в ночь на Нину!
Клянусь, отпныне я тебя не покину!
И месяц, что гадит в око, учаплив...
Мой Бог, я не был никогда еще так счастливым!

Как в эту ночь, к закапу января,
Кружится синий дым под светом фонаря...
Ну что-же мы молчим? Ведь это все не зря!
Ну что-же мы молчим?..

Обетихсовый Ток (Сироткин/Паткуль)

В порядок дом с утра приведен,
Убраны комнаты, пол подметен,
Напоплена печь, искры тают в золе,
И нечитанной книга лежит на столе.

От ворот до дверей тропы коротка,
Кто на дворе — не видно пока.
Догадаться можно, что кто-то идет,
Когда с веток качнувшийся снег упадет.

Еще минг — и глазам отзовутся глаза,
Вихрь объятий все выше — но выше нельзя.
Это — уже небеса.

Колесблется маятник, стрелки идут.
В скорых часах — столько долгих минут.
Так собой в эту зимнюю стужу соберет
Радость летних лучей обетихсовый ток.

Прощание кратко, напрасен обет,
Книгам в любви — доверия нет.
Дом степенно туснеет, и печь не шумит,
И нечитанной книга, как прежде, лежит.

Наваждение прошло, и не стоит труда,
Думать, было иль не было — нет или да?
Словно бы жизнь прожита...
Не узнать никогда.

Впервые (Паткуль)

(Памяти Романа Волокитина)
Все дано на выбор нам,
Лишь прошлое не делит пополам.
Помнишь ли?..
Лепные вечера,
В воздухе застывшем флюгера,
Оклик звал — Пора!

Клонится солнце...
Успалым и увлеченным идли по домам.
Но завтра с утра все будет не так.
Сучна станет нам
Наша игра.

И вечер был за нас, закатной милостью,
И словно в первый раз
И лес и небо, алой полосой, мы видели с
тбой
Все было явлено впервые нам с тобой...

За далив день отпхонил.
Всעד, в луче закатном, наш «Смелый»
пылал.
Правил ты.
Был ярче мир и нежней,
Беседок и скворешен валет теней...
Торопил — Быстрой! — голос знакомый...

Но разве мы, дети, смогли бы тогда
объяснить,
Что назов, между ночью и днем,
Можно прожить
Жизнь не одну...

И звук был отражен, чтобы успеть
сказать
Друг другу обо всем...
Мир плавно погружаеся в ночь вокруг...
И оспавался друг.
Впервые рядом оспавался друг.
Впервые рядом был с тобою друг...

И Кружиться Весна (Паткуль)

Слетка взгрустнулось ручейку...
К холодному песку, он мягкой ластится
щелей.
Всплкнула нва, у ручья на берегу
Она сплнит с распутичной косой,

А в небе облака...
А под небом земля, усталая Земля.
Всему на свете лес открыт, шумит,
И кружится весна!

Никто не вспомнит здесь о том,
Как прежде мы вдвоем
Гуляли вместе, ты и я.
О том, как слыно ты запела о своем,
Стоя рядом с нвой у ручья,

И слушала вода!
Она издадала, далека-далека...
И песне этой лес внимаал, молчал,
И была весна!

Дни той весны давно уже прошли,
Смелая зима новая весна,
Вновь пробудится этот край земли,
Не сохранив былого и следа.

А нынче лес, забыв про сон,
Расстертн и влоблен, не в такт смеется
там и тут.
И Боги тихо, как обычай заведен,
Беседу многомудрую ведут...

Им вторят голоса...
Лесные голоса, зеленая молва.
Всему на свете лес открыт, шумит,
И кружится весна!

Я Вернусь (Тригуб)

С каждым новым днем, дороже мне мой дом.
Он стал заветной пристанью, мечтою и сном.
Но мы разлучены, и еще не скоро,
Я покину город, чтоб снова оклпит,
И раствориться под шапкой невидимкой,
Остаться там, где так легко любить...

Я вернусь, наперекор судьбе,
В мой одинокий дом, где счастье заблудилось...
И оккупт минуты детства в нем...
Вернусь я, что бы ни случилось!

Смотрит окна в сад, Льет золото закат.
Сердце беспокойное простится назад,
В покой и тишину, в тайны этих комнат...
Верю я, что помнит меня мой причал.
Быть может ночью, в случайном сновиденье,
Увижу дом, что мне так дорог стал...

Я вернусь, наперекор судьбе,
В мой одинокий дом, где счастье заблудилось...
И оккупт минуты детства в нем...
Вернусь я, что бы ни случилось...
Вернусь я, что бы ни случилось!

К Радости! (Сироткин/Паткуль)

За окном ветер суетет тревожно,
Ему не верить невозможно,
Ты уйдешь...
Где гордости твоей найти предел?
Остановить тебя я не посмел,
Я не посмел.

Ты могла заставить быть сильным и чище,
Я без тебя был просто нищий,
Ты гнала...
Но как мне убедить теперь себя,
Что никогда не будешь ты моя,
Ты моя...

Не говори, что все потом пройдет,
Что счастье сменит боль в положенный
черед,
Пусть годы пролетят, как ветер,
И одиночество ответит ночью без сна.
Как ты мне нужна, как ты мне нужна,
Как ты мне нужна!

Что ж, иди! Неважно, поздно или рано,
Я правды требовать не стану!
Ты молчишь...
Иль может, ты другим увлечена?!
Но, Боже мой, ты знаешь, как ты мне
нужна!
Как ты мне нужна!

Нет, постой! Любить тебя такая мука,
Почить — вот сложная штука,
Ты права...
И поцелуй, как нож по сердцу мне.
Останься! Лишь шепчу тебе во сне,
Тебе во сне...

Не говори, что все потом пройдет,
Что счастье сменит боль в положенный
черед,
Пусть годы пролетят, как ветер,
И одиночество ответит ночью без сна.
Как ты мне нужна, как ты мне нужна,
Как ты мне нужна!

.....

Как я люблю тебя...
Горечь уйдет без следа,
И мгновением позже звезда воссияет на
небе...
И я вновь склонюсь пред тобой,
И неверной рукой, имя твою восславлю!
Как ты близка!
Как мы чувствуем сердца неровный стук,
Замыкается круг, и ты снова зовешь меня,
Снова зовешь меня, снова зовешь меня,
К Радости!
К Радости!
К Радости!

<p>Провожающие Лето (Сироткин/Папкуль)</p> <p>Дни в густой пелене – зной морок, Дни, когда каждый миг обострительно дорог. Меж бесумной листвы – солнца танцы, Взвизывая, слепят глаза, словно пропугуберанцы.</p> <p>Луг залил светом, обрамлен оляхой Обвитой хмелем, пруд посередине. Повсюду стрекот – слышен деловой Гул тчел в распутич вадьл протопы малине.</p> <p>Скорей домой! Где в полдень – тишина, И в комнатах – желанная прохлада. На кухне враз! Ведь здесь припасена Ваниль халвы! Здесь свежесть лимонада!</p> <p>Ночи тоньше стекла – так прозрачны, Башенки, терема – дремлют дачи. К берегу путь лежит – напрямую. Ах! И как тут не быть – поцелую!</p> <p>Вудаль туманная, деревьев силуэт, В борт – стук волны, уключин скрип протаживый... И глухаринный взлет... Но посторонних нет – Все сочетается какой-то пайной важной.</p> <p>А стоит ли о ней теперь гадать? Пора назад! В тот срок, когда не поздно, Но и не рано – лишь закончилось светало. В семнадцатый лет, мы все так несерьезны.</p> <p>Губить, Трубить, Вечный, Быть беспечным. Млечный, Нам любить.</p> <p>Снова Слово Судят Люди Нас разбудит: Свысока.</p> <p>Лета долгий излом – понапрасну В опрещенных садах рдеют астры. Листьев слабый полет – близок к цели. В парке реже кружат карусели.</p> <p>Кромешны ночи. Но, светясь, луна Свои привычные пределы превышает, Да звезд поток, столь скорый, что одна Душа желанна загадать не успевает.</p> <p>Частьт дожди. И остается чай Пить на террасе, строго ждать ответа На словно неслучившее «Прощай» И слышать поезд, уносящий лето.</p>	<p>На Мирной Все Хорошо (Папкуль)</p> <p>Из гостей есмь припоздностью Бышке к полуночи проснусь Все на улице расцвело, Вот и мне весело!</p> <p>Пила соседская поет И чертит круг самолет, В ясном небе плав и тут Парашютисты плывут.</p> <p>Ветерок заиграл с листвой Под тишочей гам озарной. Над гусыней хлопочет гусь, Лохматый пег метит куст.</p> <p>Константиновна ведет коров, Кабралов вялит улов, Ильмаст строит новый дом, Лишь я один не при чем.</p> <p>Сегодня жизнь кипит, Мирная не спит, Над Картиково самолет кружит. Пусть полетает еще! Сегодня так хорошо!</p> <p>К Оксане двинусь-ка не спеша! Говорят – хороша! На скамье у ее ворот Свернулся кот – наоборот.</p> <p>Платье к стапи ей И обес без запей. И в шиффы старые разамтой, Балзаам настоян густой.</p> <p>Не стоит нас судить! Всем поговорить Надо по душам и если может быть, Скачится что-то еще... То это так хорошо! Сегодня все хорошо! На Мирной все хорошо!</p> <p>Всегда домой (Сироткин/Папкуль/Григуб)</p> <p>(Памяти Валентина Григорова)</p> <p>»Wo gehen wir denn hin?« »Immer nach Hause« Novalis</p> <p>Звонок не прозвонел, а мы уже успели Учебники свои по ранцам разложить. Из класса, где, смеясь, не так давно хохлели Наскучивший урок скорее прекратить.</p>	<p>Мы по обочинам, усыпанным листвой, За спором долгим возвращаемся домой.</p> <p>Здесь памятью нам все. И над ручьем мосты, И широкие дубы, и аблонь верт темный. Теперь скорочеренцы унылые пусты В крик оплакивающих об осени бездомной.</p> <p>Но нас, напуганных вечерней тишиной, Сейчас светлую память выведет домой.</p> <p>Освещено крыльцо. Лампада в изголовье. И ночь гранитная сорваться не спешит. Из мезет, где держит нас привязанность котиков, Под плач чужих сердец, стихающий навзрыд,</p> <p>И нас пронзающий последней немотой, Уходим мы. Куда? Всегда домой.</p> <p>Сентябрь (Сироткин/Папкуль)</p> <p>Окрест ни звука. Свет звезды В хвосту двух старых сосен заплелен. Подруга милая, гладь, Как мрак ночной плывет со всех сторон.</p> <p>Сад шумит. Ветер в проводах поет. Лунный блик, тихо под ноги скользянет. Голоса, наполняют дом пустой. В эту ночь, кто потревожил наш покой?</p> <p>Ты гостяя, но должна давно, Хозяйкой в этом доме быть. Сентябрь дождем стучит в окно, Скажи, быть может нам его впустишь?</p> <p>Сад шумит. Ветер в проводах поет. Лунный блик, тихо под ноги скользянет. Голоса, наполняют дом пустой. В эту ночь, кто потревожил наш покой?</p> <p>Как мог позволить я так полюбить тебя? Поверь, в том нет вины, как нет в том лжи... Я буду жить, любимая, мечтая и скорбя, Мне не предать тебя, как не продать души...</p> <p>Когда мы встретимся опять, Тебя не будет ждать никто другой. И все что мог, я смог сказать, Прости меня за то, что я такой.</p> <p>Сад шумит. Ветер в проводах поет. Лунный блик, тихо под ноги скользянет. Голоса, наполняют дом пустой. В эту ночь, кто потревожил наш покой? Я с тобой...</p>	<p>Сны Автострады (Сироткин/Папкуль)</p> <p>Шоссе еще звучит колесами сырими... Накапанный асфальт, что отсюда ко ству, Вдыхает глубоко, как будто щечечет имя, По прихоти людской знакомое ему.</p> <p>Вечернее шоссе рекламы осветили, И отступила мощь бетона и стекла. Друг к другу на парковке жмут автомобили, Как звери глупые, озбиные тела.</p> <p>В нем плавится вечер, Едва Едва...</p> <p>Зал в полумраке и уже черз минути, В мерцании огней он разорвется весь. Вошедший обращается к кому-то, И скапты кулаки тех, кто проездом здесь...</p> <p>В панцирующем луче табачный дым кубылся, Пропитанный им воздух вязок и душист. А музыка плывет, аккорд последний дилетс, И должен отзвучать, но медлит гитарист...</p> <p>Здесь все приглашает остаться, Пока Пока</p> <p>И будет танец – ночь... Обнимет тонко плечи Безвзходяная мука смуглых рук. Пронзительно, о позатрошых встречах, Она напомнит, и на миг задержит звук</p> <p>Струн, замирающих у трепетной гитары. Но тот последним вдохом отпелит. И повинуясь ей, замрет на месте пара, И в новой тишине дорога зазвучит...</p> <p>Она, всегда будет первой, Одна Одна</p>	<p>В Сумерках (Сироткин/Папкуль)</p> <p>В комнате моей еще светло, День брошен в небо. Лань на ковре обернулась и вновь Напомнила давною небелью...</p> <p>Скоро, скоро будет мир обаят Предо мной дроздько... Жалобы дорожной голоса отзвучат, И лай, обрываясь, встревожит...</p> <p>Оно открыто, полет! Запад поет! Свежесть волной рвется в грудь, И не вздохнуть... По полу рассыпан букет теней, И все темней, И ночь начинает свой путь...</p> <p>Над правильною улиц имени Чьи скоро будут преданы забвению, Над цепью фонарей – она разрезена – Безмолвною зовут огни ее знамений</p> <p>Над темнотою крыш и черных туруб, Над верною оград, плоцом увитых, Средь странных стен домов, где души берегут, В последних пайниках, по жизни не прожитых,</p> <p>Слова былых бесед и давних окон свет И голоса жильцов, которых больше нет...</p> <p>Дом дедовский исполнен тишиной. Шепот, шорох... Давные птицы сад украсили мой, И огни заплемались в норах,</p> <p>Здесь мхи мудры и камни холодны, Ветры – врознь, Бережно в бутоны сомкнулись цветы, И стволы у дремлющих сосен</p> <p>Полны слез липой! Покой корневой! Хвон хмельной аромат, И права звечит... Коммушется стесби и тоньше тон, Сад озарен Улыбкой лунной ночной...</p> <p>А выше – пропасть. Ровные крыла Ее сомкнули, иссиня-лилово. Вихрь, время, проблеск – страсть уже свела Два полоза – и разлучила снова</p> <p>И дальше вниз, безропотно самансь Бесщетная пада с песком прибрежном, Там в воды заповедный, узкий врезан мыс, Там лес царит, нехоженый, кромешный,</p>	<p>Где место казней, справленных давно, Кипреем и осоклой поросло...</p> <p>-----</p> <p>Но в эту полночь у границ земли Мое окно полнеба не откроет. Здесь в сумерке светом приют нашли Упорный мысли труд и ремесло скупое позин...</p> <p>И пайнам нет числа! Все времена сопряжены в мгновенье! Дыханье задержалъ у скромного окна... Даль, ангель, дома, гул, свет, оцепененье...</p> <p>Лань на ковре. И долгий ход часов. И отплетает лучший из миров...</p> <p>Листий Нос Навек (Сироткин/Папкуль)</p> <p>Крик чайки дрогнет на ветру... Болна скользнет поверх камней. Пойдем с тобой вдвоем по берегу Дорогой давнеем своей К местам минувших дней.</p> <p>И флейта Пана проплывет Над пестрой зеленой лугов. Заря-девчонка запоет, Каймою красных рукавов Касаясь облаков.</p> <p>Светлым местам не пустоовать, Времям окончен бег. Любим у сердца не отнять... Листий Нос – навек.</p> <p>Вдали мерцают огоньки, Дома в безмолвии стоят. Над головою лунный лик На нас бросает робкий взгляд, И все давно уж спят.</p> <p>Воп перед нами темный лес, По кронам счетом занесен. А чуть подальше – край небес, И синим в них горит костром, Над нами Орюн.</p> <p>И эти песни и слова, И искры сигарет, Пребудут в сердце навсегда! Листий Нос – навек. Листий Нос – навек. Листий Нос – навек!</p>
--	--	---	---	---	--

The Pravednicks' Band — Лисий Нос Навеки

The Pravednicks' Band — Лисий Нос Навеки

Джихон Фонаф - К Закату Января - Облепиховый Ток - Впервые - И Кружится
Весна - Я Вернусь - К Радости - Провожающие Лето - На Мирной Все Хорошо -
Сентябрь - Всегда Домой - Сны Автострады - В Сумерках - Лисий Нос Навеки

©2014 «Big Grave Music»

The Pravednicks' Band
Носый Лис Ванеки